

На правах рукописи

ПАНЧЕНКО Надежда Николаевна

СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ОБМАН»

(на материале английского и русского языков)

10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ВОЛГОГРАД - 1999

Работа выполнена в Волгоградском
государственном педагогическом университете

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **В.И.Шаховский**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Л.А.Сараджева;**

кандидат филологических наук,
профессор **Т.В. Максимова**

Ведущая организация: Пятигорский государственный
лингвистический университет

Защита состоится «17» июня 1999 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета К 113.02.02 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук при Волгоградском государственном педагогическом университете (400013, г. Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан 14 мая 1999 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

О.А.Леонтович

Общая характеристика работы

Эмпирически очевидно, что нет такой сферы человеческой деятельности, где бы не встречался обман. Будучи сложным переплетением интенциональных, когнитивных и нравственных аспектов, обман сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя конфликт между нормой, моралью и правдой как одной из фундаментальных экзистенциальных («бытийных») ценностей. Регулярная реализация лжи и обмана в процессе повседневной коммуникации порождает лживость – свойство социального субъекта, обесценивающее и отрицающее ценностную характеристику личности – правдивость.

Вполне объясним интерес исследователей к извечным проблемам правды и лжи. Исследования последних десятилетий уходящего века характеризуются вновь возрастающим вниманием к концептам «правда» и «истина», неизбежно затрагивающих и вопросы, касающиеся лжи и обмана (Н.Д.Арутюнова, В.А.Лукин, А.В.Пузырев, Т.В.Топорова и др.).

Объектом данного сопоставительного исследования является наивно-языковое представление о лжи и обмане, реконструируемое из употребления соответствующих языковых единиц в английском и русском языках.

Мы различаем три группы средств вербализации обмана: языковые средства, обозначающие, описывающие и выражающие обманное поведение. Языковые средства выражения лжи и обмана привлекали к себе внимание отечественных и зарубежных лингвистов (Н.Д.Арутюнова, А.Н.Баранов, Д.Болинджер, Т.В.Булыгина, Х.Вайнрих, А.Д.Шмелев, P.Farb, G.Lakoff и других). Вместе с тем по нашим данным остаются недостаточно изученными средства номинации и дескрипции лжи и обмана, что и определило выбор темы исследования.

Предметом данного исследования, таким образом, являются сходства и различия языковых средств номинации и дескрипции лжи и обмана в английском и русском языках.

Предлагаемое диссертационное исследование представляет собой попытку комплексного описания средств языковой объективации концепта «обман», в связи с чем мы определяем **цель** нашего исследования как выявление и сопоставление лексико-фразеологических средств, номинирующих и описывающих обман и различные его проявления, на материале английского и русского языков.

Реализация цели достигается путем решения следующих **задач**:

- 1) определить философско-этические, социальные, психолингвистические характеристики феноменов лжи и обмана;
- 2) выявить вербализованные невербальные маркеры, сигнализирующие о произнесении лжи/сокрытии правды;
- 3) установить семантические мотивировки (принципы номинации) понятий «ложь» и «обман»;

- 4) определить совокупность лексико-фразеологических единиц, отсылающих к ситуации обмана, в английском и русском языках;
- 5) выявить пути схождения и расхождения концептуализации обмана в сознании носителей сопоставляемых языков.

Актуальность исследования заключается в том, что ложь и обман имеют высокую социальную значимость, учет этих феноменов в межкультурном общении играет особую роль в настоящее время. Будучи объектами междисциплинарного изучения, ложь и обман недостаточно освещены в лингвистике.

Научную новизну выполненного исследования мы усматриваем в том, что в диссертации установлены семантические мотивировки понятий «ложь» и «обман», определено сходство и различие этих понятий, построена модель концептуального пространства обмана, охарактеризованы невербальные маркеры, сигнализирующие о произнесении лжи/сокрытии правды, описаны средства дескриптивной и эмоционально-оценочной объективации концепта «обман» в английском и русском языках.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в развитии основных положений когнитивной лингвистики, лингвистики эмоций и лингвокультурологии применительно к концепту «обман» в английской и русской языковых картинах мира.

Практическая ценность настоящей работы обусловлена возможностью применения выводов и материалов исследования при дальнейшей разработке проблем когнитивной лингвистики, в теории и практике перевода. Материалы исследования могут быть полезными при разработке лекционных курсов и спецкурсов по общему и сопоставительному языкознанию, стилистике; могут быть использованы при разработке тематики курсовых и дипломных работ, а также магистерских диссертаций. Полученные результаты также могут послужить дополнением к словарю жестов и мимики.

Материалом исследования послужили тексты художественной прозы англоязычных и русскоязычных авторов XX века и их переводов. Корпус сплошной выборки составил 3198 примеров (общий объем текстов – 27082 страницы). Источником языкового материала послужили также этимологические, фразеологические и паремиологические словари, привлекались публицистические тексты и тексты видеозаписей телевизионных передач.

Цели и задачи настоящего исследования определили выбор **методов исследования**: контекстуального и стилистического анализа, компонентного и сопоставительного анализа, дефиниционной и когнитивной интерпретации.

Методологической базой для данной работы служат постулаты когнитивной семантики, в частности:

– «постулат о примате когнитивного», который гласит, что за значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные сущности, которые можно описать такими

специально разработанными элементами языка представления знаний, как фреймы и сценарии;

– выводы о том, что мыслительные категории практически неотделимы от языковых категорий (Баранов, Добровольский, 1997), а реальные объяснения функционирования языка можно получить только при обращении к когнитивным структурам.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ложь и обман являются диахронической константой человеческого бытия. Истоки становления значений, обнаруживаемых в древних индоевропейских обозначениях лжи и обмана, кроются в сакральной сфере и оказываются тесно связанными в сознании древних с нанесением вреда/ущерба, «покрыванием»/сокрытием намерений, «искривлением»/искажением, нарушением существующего порядка вещей.

2. Содержательные минимумы понятий «ложь» и «обман» различаются: ложь – коммуникативный акт, производимый лингвистически или паралингвистически и имеющий сознательную интенцию введения в заблуждение. В наборе существенных признаков содержательного минимума понятия «обман» выявляется дифференцирующий признак – успешность, эффективность реализации цели.

3. Содержание концепта «обман» объемнее одноименной поверхностной языковой сущности и объективируется в значительном количестве лексико-фразеологических средств, паремиях, прецедентных именах и текстах. Средства объективации концепта «обман»/его фрагментов в английском и русском языках, а также восприятие возможных способов невербального декодирования обманного действия и метафорическое осмысление последнего носителями обыденного англоязычного и русскоязычного менталитета в целом совпадают.

4. Расхождения в средствах объективации концептуального пространства обмана проявляются в количественной экспликации выделяемых фрагментов «клевета», «лесть», «пассивная ложь». Различия в лексико-фразеологической номинации и дескрипции обманного действия также являются следствием проявления индивидуальных черт национального характера языка.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на теоретических аспирантских семинарах, на заседаниях кафедры языкознания ВГПУ, на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность», на межвузовских и внутривузовских научных конференциях профессорско-преподавательского состава ВГПУ (Волгоград 1996 – 1999), на международном симпозиуме «Фразеология в контексте культуры» (Москва, РАН, июнь 1998 г.), на международной конференции «Языковая личность: жанровая речевая деятельность» (Волгоград, 6-8 октября 1998 г.).

Основное содержание работы отражено в восьми публикациях.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списков художественных произведений и лексико-графических источников, послуживших материалом для анализа, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В 1 главе «Концептологическое описание лжи и обмана» кратко характеризуются основные положения когнитивного подхода к лингвистическим исследованиям с уточнением природы терминов, используемых в диссертации, очерчиваются контуры концептуального исследования с выделением наиболее актуальных аспектов, сравнивается объем содержания понятий «ложь» и «обман», систематизируются и описываются средства выражения лжи, выявляется фонд вербализованных авербальных маркеров, позволяющих реципиенту/наблюдателю декодировать обман.

В диссертации мы опираемся на положения, сформулированные в работах А.Н.Баранова и Д.О.Добровольского, А.Вежбицкой, В.З.Демьянкова, Е.С.Кубряковой, В.Н.Телия, Р.М.Фрумкиной, В.И.Шаховского, суть которых сводится к следующему:

1. Поверхностная языковая форма/знак представляет собой средство сжатия/компрессии обобщенной информации, активизирующее в сознании говорящего гораздо больший объем информации на основе знания языка и опыта взаимодействия человека с окружающей действительностью.

2. Языковая деятельность, составляя вершину айсберга, в основании которого скрыты когнитивные структуры и способности, признается наиболее простым средством материального доступа к сознанию человека.

3. Значение, изучаемое с позиций когнитивной лингвистики совместно и во взаимодействии со знанием, предстает как определенная структура знания, формируемая в актах номинации в процессе категоризации действительности. Категоризация представляет собой структурирование мира, акт отнесения слова/объекта к той или иной группе, способ установления иерархических отношений типа «класс – член класса».

4. Прототип определяется как такой центр категории, который лучше всего отражает концептуально существенные свойства нашего представления об объекте.

В диссертации мы придерживаемся разграничения терминов «понятие» и «концепт», понимая под последним не просто совокупность познанных существенных признаков объекта, а ментальное, национально-специфичное образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом языкового выражения – совокупность лексических, паремических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих данный объект. Знаки (имена) «обман» и «ложь» употребляются как для обозначения соответствующих понятий, так и для концепта/его фрагментов. Но там, где речь идет о наборе/совокупности существенных признаков, позволяющих разграничить ложь и обман, о представленности этих

признаков в лексикографии, о семантических мотивировках, мы говорим о лжи и обмане как о понятии. Число же концептуально-значимой лексики ограничено, поскольку не всякое имя-обозначение явления/события действительности есть концепт. В нашем понимании, только то явление (феномен) действительности, которое является актуальным и ценным для данной культуры, и вследствие этого получает языковую фиксацию парадигматически и синтагматически в **значительном количестве** лексических средств, ставшее темой **множества** фразеологических произведений (в широком смысле слова), можно считать концептом.

Разграничение терминов «понятие» и «концепт» отнюдь не исключает их совместного изучения. При знакомстве с понятиями «ложь» и «обман» очевидной стала невыясненность их статусов по отношению друг к другу, что обусловило необходимость обращения к дефиниционному исследованию, не запланированному в задачах нашего исследования. В результате анализа 14 англоязычных и 10 русских лексикографических источников обнаружилась национально-культурная специфика семантизации понятий «ложь» и «обман», которая проявляется в различиях в семантическом представлении лжи и обмана для носителей сопоставляемых языков: существенным для носителей английского языка является указание на мишени и цели воздействия (направленность действия), для русского национального сознания релевантным является интенциональный аспект (намеренность), референтный аспект (искажена ли истина). В англоязычной лексикографии акцентируется каузация, связываемая с агентивностью обмана. Английские лексикографические толкования более дефиниционны в отличие от русских, тяготеющих к интерпретативности. На основании проведенного дефиниционного сопоставления мы пришли к выводу, что содержательные минимумы понятий «ложь» и «обман» различны, ложь – коммуникативный акт, производимый лингвистически или паралингвистически, а смыслодифференцирующим признаком понятия «обман» является успешность, эффективность реализуемого действия.

Выделение философско-этического, социального, психологического и лингвистического аспектов в контексте рассмотрения феноменов лжи и обмана имеет целью разграничить ложь и заблуждение, обозначить свойства и признаки обманного действия. В частности, в социальном аспекте обращается внимание на такие модусы обмана, как тактичность, вежливость, создание имиджа и т.д. В контексте межличностного и социального взаимодействия умение скрывать эмоции, чувства и настроения поощряется и служит отличием цивилизованного человека от дикаря. В рамках этического аспекта можно выделить признаки лжи и обмана, данные в оппозиции: допустимость/недопустимость, безобидность/ вред, корысть/альтруизм. Обман и ложь (как активная, состоящая из заведомо ложного сообщения, так и пассивная – факт умолчания) с позиций жесткой этики квалифицируются как ненормативные и оцениваются отрицательно. Но мотивируемые альтруистическими соображениями, обман во благо и святая ложь (white lie) не противоречат общечеловеческим ценностям и интерпретируются как совпадение интересов агента и

реципиента обманного действия. В результате, аксиологические основы утилитаризма допускают моральную легализацию лжи и обмана, маркируя их положительно на аксиологической шкале с точки зрения мягкой этики.

Внутри психологического параметра важными являются причины и цели обмана, синтезированные в мотивах, роль эмоций в генезисе лжи. Несмотря на тот факт, что ложь и обман эмоциями не являются, тем не менее, бесспорно, оказываются тесно связанными с ними. Проанализировав примеры выборки (приняв за 100 % 496 русских и 421 английский пример, мотивы в которых либо эксплицированы, либо легко выводимы из ситуации), мы пришли к выводу, что доминирующими эмоциями, стимулирующими ложь/обман, в обоих языках являются страх, боязнь, малодушие – 43,2 % русских и 41,8 английских примеров, в 24,6 % и 26,3 % случаев (русских и английских соответственно) первопричиной лжи и обмана являются любовь к близким, жалость, сострадание, желание защитить. Помимо перечисленных доминирующих эмоций ложь и обман стимулируются также жадностью, тщеславием, завистью, желанием изобличить обманщика/узнать правду и другими мотивами.

Лингвистический аспект подразумевает как минимум два момента: обман с точки зрения отправителя (описание средств выражения) и с точки зрения получателя и/или наблюдателя (способы разоблачения). Ложь и обман поражают многообразием и богатством форм. Ложь фиксируется языком – средством, призванным служить инструментом общения, с помощью которого формируется и выражается человеческая мысль. Систематизация языковых средств выражения лжи и обмана показала, что их потенциал поистине безграничен и имеет специфическую лексику, синтаксис, семантику и прагматику.

Вопросам детекции обмана посвящены многочисленные работы зарубежных исследователей (Пиз, Уайтсайд, DePaulo et al 1983, DePaulo 1986, 1992, DePaulo et al 1996; Dillingham 1996, 1997, 1997a, 1998; Ekman et al 1969, 1972, 1975, 1976, 1991; Ekman 1980). Предпочтительность анализа невербальных компонентов коммуникации в контексте межличностного общения объясняется невозможностью подделать импульсы подсознания, эксплицирующие истинную информацию в виде экстериоризации невербальных маркеров/психосоматических сигналов, которые позволяют реципиенту диагностировать обман.

В результате анализа собранных примеров их художественных текстов русских и англоязычных авторов нами выделен 861 пример (476 и 385 русских и английских соответственно) из общего числа примеров 3198, отсылающих к декодированию ситуации обмана посредством невербальных маркеров. Анализ примеров показал, что высокоинформативным источником описания невербальной индикации ситуации обмана является описание языка глаз, используемого в 44 % русских и 33,8 % английских проанализированных примеров. В обоих языках основные модели невербальных маркеров лжи, реализуемые в художественной прозе посредством описания языка глаз, совпадают: бегающие глаза – «*глаза тоскливо заюлили*» (Игнатъев), «*the quick slide of the eyes*» (Weldon); отвод глаз/взгляда – «Крылов хотел

поймать его взгляд и не мог» (Гранин), «*black eyes (...) looked away from her, as though fearful of revealing too much»* (Sheldon).

Одним из очевидных маркеров лжи является описание неконгруэнтности (28,2 % русских и 32,7 % английских примеров), отсылающие к двум видам несогласований: несоответствию между вербальными и невербальными планами коммуникации и несогласованию между внутренне переживаемым эмоциональным состоянием персонажа и внешней его презентацией. Нами установлено, что прямую семантику речи или демонстрируемую эмоцию/-и помогают дискредитировать кинетические средства (в частности, мимические компоненты) – *дружелюбный тон ↔ безразличное выражение лица* (Мальцева) и/или фонационно-просодические средства – «*I am delighted to meet you, Mr. York'. Said aunt Deb. (...) She had no warmth, no genuine welcome in her voice»* (Francis).

Помимо названных способов невербальной детекции ситуации обмана реципиент получает шанс декодировать ложь благодаря экстернизации психосоматических сигналов (11,6 % русских и 21,8 % английских единиц в нашей выборке). Типичным и наиболее частым для текстов обоих языков является использование авторами в качестве физиологических индикаторов произнесения лжи/утаивания правды таких сигналов, как: пот, испарина – «*Вытри нос, у тебя нос потеет, когда врешь»* (Гранин), «*He swears it on his dead mother's soul, but he sweats while he swears. He is lying»* (Francis); покраснение лица – «*He reddened again. (...) He was lying to her»* (Maugham), «... *солгал Гордеев и с ужасом почувствовал, что краснеет»* (Маринина).

Нами также обнаружены случаи, в которых информация о невербальных маркерах ситуации обмана/сокрытия представлена имплицитно (16,2 % русских и 11,7 % английских примеров).

В целом анализ примеров, отражающих обыденное представление о возможностях невербальной детекции обмана, обнаружил общность восприятия невербального поведения лгущего субъекта носителями обоих языков, стереотипные представления о возможностях распознавания реципиентом обманного действия.

Описание многоаспектной природы феноменов лжи и обмана выявило их сложность и неоднозначность. Последние наблюдаются в многообразных видах и формах обмана, простирающихся от обыденных высказываний, которые содержат квант неискренности, до случаев спланированного, злонамеренного обмана. Рассмотрение лжи и обмана по аспектам, отражающим все ипостаси обманного действия, носит в 1 главе предварительный характер и служит основанием для построения некоего концептуального каркаса, который во 2 главе заполняется способами номинации тех или иных модусов обмана и описанием их свойств.

2 глава «Средства номинации и дескрипции лжи и обмана в английском и русском языках» посвящена распределению концепта «обман», первый этап которого предполагает необходимость проведения этимологического анализа.

В своем исследовании мы опираемся на понятие «множественной этимологии», подразумевающее «одновременное существование нескольких (иногда – многих)

семасиологических связей в истории одного и того же значения» (М.М.Маковский). Подобное видение базируется на точке зрения, что язычники соотносили один и тот же предмет/явление с самыми различными предметами, а одно и то же действие становилось источником множества ассоциаций в сознании древних, связывающих данное действие с широким кругом действий/явлений. На данном этапе диссертационного исследования решалась задача проследить, с чем в древнем сознании ассоциировались понятия «ложь» и «обман», с какими значениями оказываются связанными значения «лгать», «обманывать», на основе этого определить пути становления значений лексем, номинирующих 'ложь' и 'обман'.

В результате проведенный отбор лингвистического материала, реконструирующий фрагмент модели мира древних на основе языковых данных, отраженных в семантических мотивировках понятий «ложь» и «обман», показал, что последние в сознании древних ассоциировались с пустотой (значение 'пустота' нередко переходило в значение 'обман': лат. *vacuus* 'пустой' > др.инд. *vakya* 'ложь, обман'), соотносились с нанесением морального и физического ущерба (др.-инд. *droha* - 'ущерб, вред, увечье, повреждение' > *dhrut* 'обман'; лат. *fraus* 'ущерб, вред' > 'ложь', англ. *fraud*). Истоки становления значений лексем, номинирующих ложь и обман и кроющиеся в сакральной сфере, оказались издревле связанными со значениями:

– 'огонь, гореть' (др.англ. *lieg* 'огонь', греч. *legein* 'говорить', лат. *lingua* 'язык', нем. *lügen* 'лгать'; англ. сленг *to burn* в значении 'to deceive', рус. *нагреть на* какую-либо сумму, *нажарить* в значении 'обмануть');

– 'бить, резать, гнуть, ломать' (лат. *dolo* 'рубить', *doleo* 'испытываю боль, страдаю', но *dolus* 'хитрость, обман'; рус. диал. *лукать* 'гнуть', *лука* 'хитрость, обман', др.-рус. *лукавь* 'извилистый, хитрый, коварный');

– 'дуть' (англ. сленг *to breeze* 'to deceive'; рус. *надуть* в значении 'обмануть');

– 'класть' (лат. *ponere* 'класть, прятать', *imponere* 'класть', а также и 'обманывать', англ. *to impose (upon)* 'обманывать').

В древних индоевропейских обозначениях лжи и обмана, таким образом, выделились три основных семантических компонента значений, ставшие источником негативной коннотации лжи и обмана: нанесение ущерба, сокрытие намерений, искривление/искажение действительности.

Необходимость обращения к культурологическому ракурсу становления концепта «обман» аргументируется тем, что в когнитивной лингвистике научные исследования не могут игнорировать приобретенный культурный фон носителей языка. В результате выяснилось, что правда и ложь, соединяясь в едином клубке, вплетаются в ткань человеческой жизни, сосуществуют в сознании людей как две инкорпорирующие модели поведения, с одной стороны, непримиримо противоположные, с другой стороны, взаимодополняющие друг друга.

Общеизвестно, что в поговорках наряду с общечеловеческим выражается и специфичное для данной лингвокультурной общности, то, что принято называть «душой народа», поэтому на следующем этапе нашего сопоставительного иссле-

дования мы обратились к паремиологическому аспекту концепта «обман». Обосновав причины чисто семантического способа анализа паремий, названного «максимально внеконтекстным» (А.А.Крикманн, 1978), мы ограничили количество анализируемых единиц двумя группами изречений, которые реализуют: 1) выражение и предписание определенных правил поведения, имеющее деонтический характер; 2) констатацию общего закона типа «Всегда имеет место X» или «Всякий X обладает свойством/-ами P».

В результате анализа 150 паремий (75 английских и 75 русских, не являющихся параллелями) нами обнаружены 15 паремических представлений об обмане, имеющих различные предметно-образные наполнения: (1) Обман/ложь – не от Бога, значит равны греху, наказуемы; (2) Обман/ложь недолговечны (непрочны, существуют до выяснения правды); (3) Ложь/обман опасны (приносят вред); (4) Обман/ложь не принесут счастья, материальных благ; (5) Обманувший теряет доверие людей; (6) Нельзя дружить с лгуном; (7) Любые проявления обмана осуждаемы; (8) Любая правда предпочтительнее лжи; (9) Одна ложь порождает другую; (10) Обман/ложь – обычное явление (ненаказуемы); (11) Ложь живуча, всегда была и всегда будет; (12) Обман/ложь допустимы (в отношении других обманщиков; ложь предпочтительнее, выгоднее правды); (13) Не следует говорить всю правду; (14) Правда без лжи – непривлекательна, болезненна; (15) Лгать необходимо для благополучия/выяснения правды.

Общим для носителей наивного сознания обоих языков является христианизированный стереотип восприятия лжи/обмана как греха (16 рус. – 9 англ.). Для ряда паремий обоих языков характерен логический инвариант, который можно сформулировать как «Выбор меньшего зла». Английские и русские паремии предлагают альтернативные ситуации, которые отдают предпочтение одному из двух сравниваемых объектов/состояний субъекта. В английском языке, с одной стороны, честный, хотя и бедный предпочтительнее, чем нечестный, хотя и богатый (*A poor man is better than a liar*), с другой стороны, небольшое количество лжи оказывается более желательным, чем честность, обрекающая на несчастье (*It is better to lie a little than to be unhappy much*), а также лучше признается ложь, которая лечит, чем правда, которая ранит (*Better a lie that heals than a truth that wounds*). Аналогично в русском языке в одном случае отдается предпочтение правде, приносящей страдание (*Лучше горькая правда ...*), в двух других предпочтительной оказывается ложь, обеспечивающая душевное спокойствие/удовлетворение (*Лучше умная/сладкая ложь...*). Такого рода неоднозначность и противоречивость культурно значимых ориентиров, обозначенных в паремиях, объясняется тем, что язык может отражать и доминирующие факты группового или корпоративного, а не только общенародного самосознания (В.Н.Телия, 1996).

Межнациональные различия обнаруживаются в различной количественной заполняемости одного и того же вербального участка паремиологического пространства концепта «обман». Например, для английских изречений релевантным

является тот факт, что реципиентом лжи/обмана в итоге оказывается сам продуцент (3 англ. – 0 рус.) Английское языковое сознание выделяет свойство преемственности лжи/обмана, способности увеличиваться и приумножаться (5 англ. – 0 рус.), в то время как русское лингвосознание обращает внимание на признак жизнестойкости, извечности лжи/обмана (4 рус. – 0 англ.).

Русскими паремиями одобряется факт лжи/обмана во спасение; в английском языке в двух случаях «святая ложь» (white lie) признается безвредной и необходимой, тогда как два других категорично ее осуждают. В русских паремиях никак не упоминается полуправда, английские же изречения интерпретируют ее как огромную ложь/хуже целой лжи (2 англ. – 0 рус.).

Будучи непосредственно связанными с различными сферами деятельности человека, ложь/обман, рассматриваемые с утилитарной точки зрения, признаются более важными русской лингвокультурой, акцентирующей: а) материальную выгоду и житейскую пользу лжи/обмана в 11 случаях (англ. – 5); б) их вред, бесполезность, отсутствие благополучия в 10 случаях (англ. – 3).

Нами также обнаружено, что паремиологический фонд русского языка обращает на себя внимание наличием паремий, фиксирующих трудность, а порой и невозможность выбора между правдой и ложью. Такие паремии не включены в число исследуемых единиц, и поэтому не стали предметом детального анализа, однако свидетельствуют о русском национальном характере (Вежбицкая, 1996): *«Правдою жить, от людей отбыть, а неправдою жить, Бога прогневить»*, *«Неправдою жить не хочется, правдою жить не можется»*, *«С кривдою жить больно, с правдою – тошно»*, *«Сказать не велят, утаить нельзя»*, *«Правду сказать не могу, а лгать не хочу»* и другие. Подобные паремии не только становятся иллюстрацией трудности выбора, с которым сталкивается человек в житейских ситуациях, но и характеризуют свойства русского характера, его склонность к пассивности, нежеланию быть ответственным за принятое решение. Из приведенного ниже примера очевидно, что невозможность самостоятельного разрешения дилеммы, страх перед ответственностью принятия решения заставляет обращаться к некоему арбитру за благословением лжи: *«Тетю Наташу страшно напугало слово «суд». Сказать правды она не могла, но и врать перед судом боялась, грех на душу боялась брать. Поэтому и поехала к бабушке за советом... Была она у священника... Сказал, что не всякая ложь зло. А эта сразу три жизни сохранит»* (Драгунова).

Паремии содержат специфический кодекс правил, так или иначе обосновывающих акты принятия практических решений. На стратегии принятия сопровождающих обыденную деятельность человека решений ориентированы представления аксиологического характера, которые эксплицитно/имплицитно закреплены в большинстве паремий. Оценка в паремиях предназначена для воздействия на слушающего, являясь выразителем рекомендации, нормоустановки. Для анализа аксиологии паремий использовалась методика А.Н.Баранова, выделяемые им количественные (К-оценки), прототипические (П-оценки), гомеостатические (Г-оценки) и

общие (О-оценки) типы оценок, прохождение всех уровней оценивания составляют полную аксиологическую процедуру. Пойдя по тому же пути, мы проанализировали варианты совмещения 4 типов оценок и, соответственно, стратегии оценивания, которые зафиксированы в корпусе отобранных паремий. Преобладающее количество паремий обоих языков сопоставления (54% всех проанализированных единиц) отражают предпочтение стратегий с начальной гомеостатической оценкой, рекомендуя носителю языка оценивать ситуацию с точки зрения поставленной цели. Подобные паремии чрезвычайно разнообразны – вплоть до проповедывания противоположного. Например, в паремии «*He совершь, зобу не набьешь*» для достижения материальных благ рекомендуется использовать ложь, тогда как «*Неправдой нажитое впрок не пойдет*» ориентирует носителя языка на то, что не следует удовлетворять жизненные потребности с помощью неправды. Лексема ‘лихо’/‘худо’ (плохо) в примере «*Лихо (худо) будет тому, кто неправду делает кому*» позволяет адекватно интерпретировать ложь как нежелательный акт, следовательно, не рекомендуемый субъекту при принятии решений. Ситуация в паремии «*To deceive a deceiver is no deceit*» имеет противоположную интерпретацию. Цель обмануть обманщика оценивается имплицитно положительно, значит обыденным менталитетом может быть рекомендована субъекту в подобной ситуации.

Основными выводами, сделанными в этой части исследования, стали следующие.

1. Проанализированный материал подтверждает постулат аксиологии паремии, сформулированный А.Н.Барановым: «если некоторая оценка является исходной в стратегии оценивания, то она сочетается либо с самой собою, либо с теми ее типами оценок, которые находятся справа от нее в последовательности «К-оценка → П-оценка → Г-оценка → О-оценка», отражающей полную аксиологическую процедуру» (А.Н.Баранов, 1989).

2. Паремии в нашей выборке интерпретируют отношение русского и английского языкового сознания к обману и лжи приблизительно одинаково: 25 русских и 22 английских паремий характеризуют их положительно и/или считают приемлемыми, содержат рекомендации использования; 50 русских и 53 английских единицы осуждают, оценивают обман как нежелательный, неприемлемый при обосновании принятия субъектом решения, необходимого в повседневной деятельности.

На следующем этапе исследования ставилась задача определения совокупности лексико-фразеологических средств, отсылающих к ситуации обмана в английском и русском языках, которая решалась на основе анализа дефиниций толковых словарей, а также с помощью наблюдений контекстуальных употреблений единиц. В результате обнаружены 652 единицы (291 и 361 русских и англоязычных соответственно), объективирующие различные языковые осмысления концепта «обман». Принцип отбора данных единиц определялся выделением концептуальной гештальт-структуры, имеющей прототипическое представление. Прототипическая концептуальная схема обмана несет обобщенную информацию о данном акте, абстрагируясь от множества

деталей, составляющих коммуникативную структуру ситуации обмана, к примеру, опускаются данные о том, кто выступает в роли агента и реципиента обмана: лицо (индивид), коллективный, институциональный субъект или социум. Объединение лексических и фразеологических средств в единой таблице в диссертации аргументируется, во-первых, их «функциональной эквивалентностью» (В.П.Москвин, 1996), во-вторых, обусловлено задачей выявить количественные расхождения в английском и русском языках в номинировании того/иного фрагмента пространства обмана, учитывая, что актуальность какого-либо явления обеспечивает высокую номинативную активность в его обозначении.

В результате компонентного анализа обнаруженных лексико-фразеологических средств, распредмечивающих концепт «обман», нами было выделено 7 групп, обозначающих такие фрагменты концептуального пространства обмана, как «активная ложь», «пассивная ложь», «клевета», «преувеличение», «лесть», «притворство» и «акциональный обман». Выделенные в обоих языках фрагменты пространства обмана «клевета», «лесть», «преувеличение» отсылают к речевому поведению субъекта и оказываются семантически варьируемыми за счет факторов: цель и содержание высказывания:

1) клевета, сплетни, слухи (субъект и реципиент (жертва) лжепроизнесения, как правило, не совпадают) – *очернить, возводить напраслину, slander, fling dirt about* ('распространять грязные сплетни');

2) преувеличение, бахвальство, хвастовство, небылицы (субъект и реципиент лжераспространения нередко совпадают) – *лить пули, заливать, snow, blow one's own horn* ('бахвалиться, хвастаться');

3) лесть, неискренность – *рассыпаться мелким бесом, по/льстить, flatter, feed smb on soft corn* ('льстить, лицемерить').

Фрагменты «пассивная ложь» и «притворство» передают значение утаивания, сокрытия:

1) пассивная ложь – замалчивание или сокрытие истинной информации: *умалчивать, темнить, недоговаривать, veil, sweep under the carpet*;

2) притворство – сокрытие истинных намерений/поведения и/или маскировка их альтернативными, как правило, более предпочтительными: *симулировать, блефовать, пускать пыль в глаза, pretend, bluff*.

По нашим данным наиболее представительными в количественном плане являются лексико-фразеологические единицы, номинирующие фрагмент «акциональный обман» (различного рода надувательства, жульничество, плутовство и пр.). Внутри последнего возможно выделение подмножеств, образующих парадигмы, на основе совпадения у некоторых единиц признаков, уточняющих характер действия. Так, и в русском, и в английском языках в этом фрагменте выделяются парадигма, семантически маркирующая ловкость, умение, легкость производимого действия: *catch (old birds) with chaff, come (put) Yorkshire over smb, обжулить, надуть, обводить/обвести вокруг пальца* и др.; группа лексико-фразеологических средств,

номинирующих обман при денежной сделке: *обсчитать, нагреть, нажарить, flim-flam, cheat out of, swindle out of* и др.; в обоих языках сопоставления можно обмануть другого, пользуясь его наивностью, доверчивостью, неопытностью: *одурачить, об/дурить, околпачить, dupe, make a sucker of, kid* и др.; и наконец, можно с помощью обмана поставить в худшее положение, нередко пользуясь оплошностью реципиента: *impose on/upon, double-cross, об/егорить, обуть, облапошить* и другие.

Чтобы продемонстрировать разность в охвате языковым сознанием фрагментов, обозначающих ситуацию обмана в русском и английском языках в количественном плане, мы проанализировали глагольные лексико-фразеологические средства в процентном отношении. Объясняется это тем фактом, что именно глаголы, семантика которых связана со свойствами актантов, выступают как бы слепком целой ситуации, в частности ситуации обмана. Для обоих языков безусловным лидером в количественном отношении является акциональный обман – 36,2 % в русском и 38 % в английском (где за 100 % принимается 185 и 226 единиц в русском и английском соответственно), представленный такими его модусами, как плутовство, жульничество, мошенничество и т.д. Не менее распространенной для русской лингвокультуры является «активная ложь» (20 %), которая оказалась менее релевантной для английского языка (12 %). Количественные расхождения наиболее наблюдаемы в фрагментах «клевета», «лесть», «пассивная ложь». К доминирующим чертам английского коммуникативного поведения исследователи относят эмоциональную сдержанность, очень высокий уровень фатического общения и бытовой вежливости, в то время как в русском коммуникативном поведении признается выше искренность и ниже уровень бытовой улыбочности и приветливости по сравнению с Европой. Анализ количественного отношения выборки лексико-фразеологических средств оправдал стереотип восприятия русской лингвокультурной общностью англоязычного коммуникативного поведения как неискреннего и фальшивого. Для англоязычной культуры оказались в большей степени характерны лезть (9,3% и 4,3 % – английский и русский соответственно) и ложь умолчанием (13,7 % в английском языке и 6,5 % в русском). Любопытным оказался факт, что русское языковое сознание для передачи значения клеветы, распространения порочащих слухов закрепило практически в четыре раза больше (в процентном отношении) единиц в сопоставлении с английским. Объяснение такому количественному преобладанию в русском языке мы находим в культурно-исторической закреплённой традиции распускания слухов, сплетен, ритуальной одобрительности обмана (славянские ритуалы защиты от нечистой силы и продуцирующие магические приемы основаны на мотиве обмана).

Важным для анализа национальных особенностей мышления, выявления аккумулярованного в языке культурного опыта народа представляется описание сходств и расхождений в членении континуума действительности. Раскодирование зафиксированного членения возможно благодаря языку. Одним из способов/приемов выявления сходств и расхождений при сопоставительном анализе признается проба на взаимопереводимость. «Чужой» язык есть иная категоризация объективного мира.

Метод сопоставительного анализа фактического материала (направленность сопоставления текста-оригинала и текста-перевода – от английского к русскому и наоборот) показал, что английский язык для перевода русских лексем, номинирующих субъект обманного действия, в подавляющем большинстве случаев обходится использованием лишь одной номинации нейтрального употребления: ‘лгун’, ‘лжец’, ‘врун’, ‘враль’, ‘вруша’, ‘брехун’ – *liar*. Для эмоционально-оценочных номинаций ‘лгунишка’, ‘врунишка’ лексемного эквивалента в английском нет.

Сопоставив лексические предикаты всех семи выделенных нами групп в русском и английском языках, мы обнаружили, что подавляющее большинство предикатов имеют эквиваленты в языке сопоставления. Однако по наличию эквивалентности эмоционально-оценочной информации не все глаголы имеют соответствующие корреляты. Русские аффиксальные лексемы передаются чаще всего разноструктурными образованиями, как правило, стилистически неотмеченного характера: к примеру, ‘завраться’ – ‘to do too much lying’, ‘приврать’ – ‘to distort the truth a little’ и т.д. Установлено, что в 7,3 % случаев различия в нюансах эмоциональной информации, несовпадение семантики предикатов при переводе влечет за собой неизбежные коннотативные потери.

Применение когнитивного подхода к анализу лингвистических единиц дает возможность осмыслить применение говорящим субъектом той/иной языковой единицы, зависимость ее выбора от значимости для говорящего того/иного признака характеристики ситуации. Признается, что чем более многокомпонентной является выбранная говорящим языковая единица для описания ситуации/события, в частности обмана, тем бóльший когнитивный опыт несет данная единица. Результаты выборки свидетельствуют, что признаки, эксплицируемые при описании обмана могут широко варьироваться в диапазоне экспрессивно-оценочных оттенков от выражения чувств нежности и симпатии – *милое надувательство* до категоричного выражения презрения, пренебрежения – *подлый, ничтожный лгун, cheap crook*. Сопоставительный анализ 1932 (895 английских и 1037 русских) выделенных из общей выборки примеров, презентующих разнообразную палитру синтагматических окружений глагольных и субстантивных единиц, которые описывают обманное действие/его субъект, показал, что 91,8 % имеют адекватные эквиваленты в языке сопоставления/могут быть переданы разноструктурными единицами. Лишь 8,2 % представляют случаи, когда часть эмоциональной или национально-специфичной информации теряется при переводе на другой язык. Расхождение между языками сопоставления можно продемонстрировать тем, что многие признаки в русском языке выражены гораздо большим количеством эмотивных единиц, английский язык более сдержан в эмоциональной характеристике лжи/обмана, не стремится вербализовать оттенки, нюансы эмоций, вызываемых ситуацией обмана, предлагая больше единиц нейтрального употребления для описания обманных действий. В данном случае анализ примеров выборки позволяет предположить бóльшую эвокацию эмоций относительно лжи и обмана для русскоязычной культуры. Различие между языками прослеживается

и в имеющих культурно-национальные коннотации русских словосочетаниях, отсылающих к концепту русской души (А.Вежбицкая, 1996): *‘врать с размахом’*, *‘по-быстрому наврать’*, *‘навраться досыта’*, *‘обманывать на всю/полную катушку’* и др., для которых в английском языке не найдено адекватного перевода. Английский язык предлагает большой выбор синонимических средств описания *‘нагромождения лжи’* – *‘enormity of/ tissue of/ pack of’* и многие другие. Попытки же передать соответствующее русскому представление о свойственной русскому человеку широте души, «ненасытности» даже в вопросах, касающихся лжи и обмана, с помощью сочетания *‘good liar’* (порядочный лжец) не представляются удачными, поскольку теряется национальная информация, заложенная в указанных русских номинациях.

Исследование участка концептуального пространства обмана, фиксируемого фразеологическими единицами (ФЕ), в работе сфокусировано главным образом на классе идиом, образное основание которых признается средоточием культурной коннотации, связанной с мировидением народа. Образование идиом, объективирующих концепт обмана/его фрагменты, происходит преимущественно на основе метафоризации. Акт формирования значения идиом представляет собой синтез а) когнитивной интенции; б) формируемого в языковом сознании образа, хранящегося свернутым в виде гештальта и материально выражаемого в сцене (Д.О.Добровольский); и в) выводного знания как результата номинативного замысла говорящего. В результате анализа исследуемых фразеологизмов нами установлено, что образное воплощение обмана во ФЕ обоих языков имеет в основе своей общую идею манипулятивного воздействия на субъект, характеризуемого перекрыванием доступа к информации с помощью создания помех для внешних органов чувств, нередко сопровождаемого нанесением вреда, ущерба субъекту. А анализ когнитивной инференции показал: для носителей обоих языков существенным является знание о том, что вследствие подобного воздействия получение истинной информации и/или честность во взаимоотношениях исключены.

Несмотря на наличие общей идеи, лежащей в основе ассоциативной образности идиом, обнаружено, что каждое языковое сознание выражает эту идею по-своему. Продемонстрируем расхождения во фразеологизации концепта «обман» на примере одного из выделенных фрагментов. Наполнение концептуального пространства обмана идиомами, номинирующими речевую деятельность (фрагмент «преувеличение»), в английском языке базируется на идее метания, стрельбы, создающей общее ассоциативное представление об охоте: *‘sling (throw) the hatchet’* (букв. бросать, метать топор, томогавк), *‘shoot (sling, throw) the bull’* (букв. стрелять в быка), *‘blow one’s own horn’* (букв. трубить в свой рог). Если учесть, что концептуальный сценарий охоты включает в себя не только фреймы самого процесса, но и последующее удовольствие от преувеличенных рассказов, баек, небылиц о достижениях, заслугах и победах, то становится понятным, почему в идиомах со значением *‘преувеличивать, заливать, загибать’* «просвечивает» базовая (по Дж.Лакоффу и М.Джонсону) метафора охоты. В русском языке идиомы, отправляющие к рассказыванию небылиц, имеют в основе

метафору, уподобляющую речепроизводство к потоку текущей жидкости: 'лить пули', 'заливать (заправлять) арена'. Бедно представленные в количественном отношении идиомы этого фрагмента пространства обмана могут быть расширены за счет славянских параллелей, развивающих ту же устойчивую ассоциацию: лить → заставлять течь, литься → говорить → лгать, встретившиеся нам в процессе сбора материала: укр. *залювати гусара* (искусно рассказывать, смешивая реальное с вымыслом); диал. *галоши залювати* (лгать); яр. *брехню лить* (сочинять небылицы); польск. *zalewac glodnych kawalków* (хващливо врать, выдумывать).

Для обоих языков характерно использование в качестве «донора» для фразеологизации обмана образных основ, обнаруживаемых семантическую ориентированность на человека, однако, в русском языке при номинировании ситуации обмана частотность использования вербализованных соматизмов выше.

Все, связанное с ложью и обманом, актуально для человека и осваивается человеческим сознанием через соотнесение с аксиологической системой, обуславливающей положительные и отрицательные оценки, которые получают множественную интерпретацию по нравственно-этическим и утилитарно-прагматическим критериям. Эмоциональные словосочетания с прилагательными оценочного характера типа *чудовищная, гнусная, грязная, отвратительная ложь/обман, dirty liar, thumping lie* усиливают негативную оценку опорного слова. Однако словосочетания *изящная выдумка, виртуозная ложь, first-class liar, heroic lie, вдохновенно, талантливо, skillfully, magnificently лгать/обманывать* не могут быть оценены в отрицательном диапазоне. В этих сочетаниях положительные коннотации слов *ложь/обман, lie/liar* являются адгерентными. В данном случае принято говорить о флуктуирующей (В.Н.Телия) оценке, проявляющейся в контексте и зависящей от эмпатии говорящего. Поскольку нас, в первую очередь, интересовал не сосюрковский язык «в себе и для себя», а говорящий субъект, его интерпретация и оценка явлений и событий действительности, мы посчитали предпочтительным пронаблюдать оценку лжи и обмана, реализуемую в контексте. Это позволило констатировать, что в отрицательном диапазоне оценки регулярно шкалируются лишь фрагменты «лесть» и «клевета», выделенные нами в концептуальном пространстве обмана. В большинстве же своих модусов обман имеет флуктуирующую оценку, где знак «-» или «+» зависит от ценностной ориентации говорящего.

Лексический ассортимент средств описания обманного действия/его субъекта включает также метафоры и сравнения (как устойчивые, так и индивидуально-авторские). Анализ образности устойчивых сравнений показал, что для носителей русского языка в большей степени характерно ситуативно-образное соизмерение: *Совралось как с курка сорвалось*. Приведенный пример показателен еще и потому, что не типичен для английского языка, поскольку символизирует элемент бессилия, отсутствие фактора воли агенса. Это вновь отсылает нас к русскому национальному характеру, его неконтролируемости, попытке освободить говорящего от ответственности за происходящее.

Расхождения в метафорическом осмыслении концепта «обман» русским и англоязычным обыденным сознанием проявляются в том, что русской наивной логике свойственно воспринимать обман/его фрагменты как самостоятельные, всепроникающие, нередко мистические сущности, перед которыми человек оказывается слабым существом, опять-таки характеризующие русского человека как пассивного, невластного над своей деятельностью, склонного к зависимости от неких более могучих сил.

В **Заключении** подводятся итоги выполнения намеченных целей и задач. Обнаружено, что представления о лжи и обмане, их субъекте, свойствах, присущие английской и русской лингвокультурной общности, существуют в форме мифов, архетипов, символов, эталонов и стереотипов поведения. Соотнесенность данных представлений с мифологической картиной мира, наследование черт архаического сознания древних, связь с базовыми (прототипическими) представлениями о мире, являются общими для носителей двух сопоставляемых лингвокультур, служат основой идентичного восприятия, обозначения и описания многих видов, форм, признаков обманного действия. Однако, индивид с «наследственной памятью коллектива» (Ю.М.Лотман) получает не только древние, но и наслоившиеся за века нюансы, свойственные только данной группе/культуре, следовательно, неизбежны какие-либо расхождения в интерпретации действительности, в частности, ситуаций, связанных с обманом.

Наблюдения над лексико-фразеологическими средствами, номинирующими и описывающими обман и его разновидности, позволили выявить такие черты русского национального характера, как 1) эмоциональность (в частности, богатство эмоционально-оценочных языковых средств для описания как самого обмана, так и оттенков эмоций, сопровождающих обманное действие), английский язык более сдержан в эмоциональной характеристике обмана; 2) склонность к пассивности и неконтролируемости проявляется в том, что человек мыслится невластным над ситуацией, не имеющим ответственности за произведенное действие, в том числе обманное; 3) при описании обмана/его субъекта проявляются характерные для русской культуры чувства теплоты и сострадания, свойства широты души и размаха, носителям английского языка не свойственно говорить о сознательной увлеченности процессом обманного действия, «ненасытности» ложью и обманом.

Здесь же, в **Заключении**, обозначены возможные перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Некоторые универсалии лжи в разных культурах // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград - Архангельск: Перемена, 1996. С. 230 - 236.

2. Семантика авербальных маркеров лжи// Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5-7 февр. 1997 г. Волгоград: Перемена, 1997. С. 104 - 105.
3. Контексты употребления лжи и лести // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе: Материалы Школы молодых лингвистов. Пенза, 25-29 марта 1997 г./ Ин-т языкознания РАН; ВГПУ им. В.Г.Белинского; Управление образования Пензенской области. М., Пенза, 1997. Вып. 1. С. 91 – 92 (совместно с Леонтьевым В.В.).
4. Семантика авербальных маркеров лжи// Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1998. Вып. 10. С. 135 - 141.
5. Общекультурный контекст концепта «ложь» // Языковая личность: система, нормы, стиль: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5-6 февр. 1998 г. Волгоград: Перемена, 1998. С. 82 - 83.
6. Национально-специфическая интерпретация понятий «обман»/ «ложь» в паремиологическом аспекте//Языковая личность: вербальное поведение: Сб. науч. тр. Волгоград: РИО, 1998. С. 26 - 30.
7. Коммуникативная структура ситуации обмана // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6-8 окт. 1998 г. Волгоград: Перемена, 1998. С. 69 - 70.
8. Концептуальное пространство обмана во фразеосистеме русского и английского языков//Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр./ВГПУ; СГУ. Волгоград: Перемена, 1998. С. 168 - 174.